

которое приняло программу деятельности, ставившую следующие задачи: «активно поддерживать идею консолидации всех демократических сил в борьбе с тоталитаризмом; требовать привлечения к ответственности прошлых и настоящих исполнителей и теоретиков геноцида российского народа, с устранением их имен в качестве названий городов, улиц, площадей; требовать полной реабилитации и компенсации ущерба всем жертвам расказачивания, раскрестьянивания и другим беззастенчивым от властей за последние десятилетия».

Около года в Благовещенске действовала организация студентов и учащихся города «Союз борьбы за освобождение России». Эта неформальная группа возникла в декабре 1989 г. Ее организаторами выступили В.А. Пухов и А.П. Батурич, студенты Благовещенского государственного медицинского института, ставившие своей целью «организацию борьбы за свержение существующего коммунистического режима». Группа занималась распространением самодельных листовок. В конце 1990 г. организация распалась, часть ее вошла в военно-патриотический клуб «Амур» и составила Благовещенское отделение клуба.

Примерно в это же время, в сентябре 1989 г., в Благовещенске возникла небольшая группа анархо-синдикалистов, но в каких-либо мероприятиях, акциях она замечена не была, оставаясь просто молодежной неформальной группой любителей рок-музыки, хотя и заявляющей о своей приверженности анархистским идеям и именующей себя не иначе как «Конфедерация анархо-синдикалистов Амурской области»²⁰.

В целом 1988-1991 гг. являются периодом активной деятельности неформальных и политизированных общественных объединений Приамурья. Все они, как правило, придерживались демократической ориентации. Однако это обстоятельство по объективным причинам не привело к их объединению в широкий политический фронт. В рядах демократов находилась тогда самая разношерстная публика – вышедшие из КПСС активисты, бывшие комсомольские работники, участники дискуссионных клубов, возникших в годы перестройки, представители творческой и научной интеллигенции, казачества, религиозно настроенные люди, отставные военные, пострадавшие от сталинских репрессий и члены их семей, всякого рода неформалы и др. Их связывали антикоммунизм и борьба за ликвидацию политической монополии КПСС. После поражения путча ГКЧП в августе 1991 г. и последовавшего затем за-

прета деятельности КПСС и КП РСФСР исчезли цели, сплачивающие демократов, и начался распад движения²¹.

Таким образом, в Амурской области в период поздней перестройки неформальные и политизированные объединения возникали в условиях распада официальной коммунистической идеологии и их деятельность выражалась в основном в критике существующего режима. В некоторых случаях (избирательные кампании по выборам народных депутатов СССР и РСФСР) оппозиционные силы оказывали значительное влияние на политическую ситуацию в регионе. В целом деятельность неформальных и политизированных общественных объединений носила хаотический, неоднородный характер, была подчинена конъюнктуре текущего политического момента.

¹ Арчаков М.К. Становление и деятельность самодеятельных «неформальных» общественно-политических организаций и движений в Приамурье во второй половине 1980-х гг. // Амурская область: история и современность. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Новиковские чтения) 21-24 октября 2008 г. – Ч. 1. – Благовещенск, 2009. – С. 215-216.

² Амурская правда, 1989, 28 февр.

³ Буянов Е.В. История Амурской области (вторая половина XX века). – Благовещенск, 2007 – С. 48.

⁴ История Амурской области. Учебное пособие / А.В. Баранов, Д.П. Болотин, Ю.В. Малиновский, Б.С. Сапунов, А.А. Сидоренко, И.Е. Федорова, Н.А. Шиндялов; под ред. А.В. Баранова, И.Е. Федоровой. – Благовещенск, 2005. – С. 279.

⁵ Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре: конец двадцатого века (история демократического движения в эпоху политических потрясений) – Кн. 1. – Комсомольск-на-Амуре, 1998. – С. 52-53.

⁶ Амурской комсомолец, 1990, 10 марта.

⁷ Амурская организация КПСС. 1899-1986. Хроника. – Благовещенск, 1986. – С. 247.

⁸ Буянов Е.В. Деятельность политических партий и общественных движений в Амурской области (конец 80-х гг. XX в. – начало XXI в.). Учебное пособие. – Благовещенск, 2008. – С. 36.

⁹ Амурская правда, 1991, 29 янв.

¹⁰ Амурской комсомолец, 1991, 5 мая.

¹¹ Амурская правда, 1990, 27 мая.

¹² Амурской комсомолец, 1990, 7 апр.

¹³ Там же. 1990, 26 мая.

¹⁴ Амурская правда, 1991, 23 янв.

¹⁵ Там же. 1991, 12 марта.

¹⁶ Там же. 1991, 2 мая.

¹⁷ Амурской курьер, 1991, № 9.

¹⁸ Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 19. – Ст. 1699.

¹⁹ Буянов Е.В. Деятельность политических партий и общественных движений в Амурской области... – С. 42-43.

²⁰ Арчаков М.К. Указ. соч. – С. 216.

²¹ Буянов Е.В. Деятельность политических партий и общественных движений в Амурской области... – С. 47.

И.М. Присяжная

К ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*To a history of a traditional suit of Northeast of China
of epoch of Middle Ages.*

За свою многовековую историю огромная страна Китая то объединялась в мощное централизованное государство под властью императорских династий, то распадалась на мелкие царства, часто подвергаясь иноземным вторжениям. Под влиянием смешения многих местных культур в ее пределах, а также насильственных реформ со стороны иноземных захватчиков искусство и костюм страны претерпевали постоянные изменения. Однако особенности социально-экономического развития народа, его философское учение о природе определили те основные черты, которые на протяжении многих веков характеризовали символику формы, орнаментации и цвета китайского костюма.

Ранние китайские записи, касающиеся одежды, были обнаружены на бронзовых сосудах и костях и панцирях черепаха, относящихся к эпохе Шан-Инь (16-11 гг. до н.э.). Из них стало известно, что древние люди придумали некие символические письмена, берущие свое начало из жизни, в том числе и некоторые знаки, связанные с одеждой, – например, тутовый шелкопряд, сандал, шелк, а также узоры из шелка на сосудах и отпечатки на шелке. В надписях на костях и панцирях появились фразы с использованием иероглифов «матерчатая одежда», « меховая одежда».

Китайцы принадлежат к восточноазиатской монголоидной группе, и в Средневековье отличались невысоким ростом, несколько уплощенным лицом с высоким лбом, смугловатой кожей, суженным разрезом глаз, прямыми черными блестящими волосами (рис. 1). Это и был идеал красоты. Но с течением веков этот идеал не раз менялся. Устойчиво в мужском облике оставались лишь особая, скрытая грация, изысканность манер, интеллектуальные достоинства: образованность, угонченность чувств. Еще чаще менялся идеал китайской женщины. В Средневековье (при правлении империи Тан – VIII век н.э.) красавицами считались полные, круглолицые девушки. Несмотря

Рис. 1. Китайские мужчины в эпоху Тан.

на природную смуглость, белизну и румянец лица китайки ценили очень высоко. Поэтому белила и румяна были широко распространены в декоративной косметике. По описанию венецианского купца и дипломата Марко Поло можно судить, как высоко было развито в средневековом Китае чувство красоты. Выбирая, например, невесту для императора, ее красоту оценивали, как и бриллиант, на караты.

С древности Китай по праву считают родиной шелка и искусства шелковой орнаментации, считалось также, что трение шелка о кожу человека способствует излечению от многих болезней. Поэтому не только прекрасные внешние качества привлекали к нему внимание богатых и знатных людей всего мира. Существовали различные способы росписи шелка, а также тканые цветные узоры (рис. 2), вышивка. По плотности и фактуре шелковые ткани были чрезвычайно разнообразны: узорчатая многоцветная парча, плотный узорчатый одноцветный шелк, шелковый тончайший газ. Орнаментация их была тесно связана с народными этическими взглядами, представлениями о жизни, природе, счастье. Фантастические драконы, птицы, летучие мыши, бабочки, цветы сливы, пиона, лотоса, медальоны сложной формы всегда были насыщены глубокой символикой. В Средневековье общий характер цветовой гаммы сохраняется, но ее символика постепенно вытесняется иерархическими знаками социальной регламентации: желтый цвет императорской одежды, красный – высших сановников; затем следовали зеленый, синий, белый цвета.

Эпоха Тан является эпохой быстрого развития политики и экономики, эпохой расцвета культуры и искусства. Это время блеска и сияния феодальной культуры. Тан смогла объединить страну, вывести ее из того разрозненного и смутного состояния, в котором она была при Вэй, Цзинь и Южных и Северных династиях, создать сильное и процветающее государство. Торговля с другими странами развивалась, осуществлялся сильный рост производительных сил, довольно длительное время наблюдалось благоденствие страны и благосостояние народа. Время, когда Китай в эпоху Тан стал азиатским центром экономического и культурного взаимодействия разных народов, было одной из наиболее ярких и блистательных страниц китай-

Рис. 2. Тканые цветные узоры в эпоху Тан.

ской истории. В этот период происходило взаимодействие с индийской и иранской культурами, которые проникли в культуру Китая, что отразилось в настенных рисунках, гравюрах, скульптурах, книгах, картинах, узорчатом шелке, керамических фигурках, в одежде и украшениях.

Женские костюмы и украшения эпохи Тан являются в истории Китая одними из самых выдающихся. Материал выбирали самый качественный, образы поражали великолепием и дополнялись роскошными украшениями (рис. 3).

Рис. 3. Женские костюмы и украшения в эпоху Тан.

В средневековом Китае основной верхней одеждой, основой мужского и женского костюма были длинные штаны и свободная распашная кофта или длинный шелковый либо хлопчатобумажный кафтан ha-ol с застежками из петель и узлов, расположенными наискось от шеи через грудь к бедрам. Штаны на талии укреплялись матерчатым поясом. Кофта и халат имели мешкообразные рукава, суженные внизу и украшенные манжетами. В повседневном мужском костюме присутствует длинный халат, часто с боковыми разрезами. Китайки и знатные или пожилые китайцы поверх штанов носили длинную запахивающуюся юбку-плахту. Костюм включал в себя богато украшенный фартук, прикреплявшийся к поясу спереди, и сетку цветных шнуров с вплетенными нефритовыми кольцами.

Постепенно халат вытесняет кофту и юбку-плахту из торжественной одежды, в связи с чем значительно повышается роль его цвета, украшений, орнаментации для выражения социально-иерархического характера костюма. Государственные указы четко регламентировали форму, цвет, материал костюма императора, его приближенных, чиновников, разделенных на девять рангов. Особеннос-

тью официального средневекового халата являлось то, что горловина имела круглый вырез с закрытым воротом, разнообразной была ширины рукавов. При неизменности конструктивных основ покроя кофты и халаты могли быть одно- или двубортными, с закрытой асимметричной застежкой или с запахом и перекрещивающимися на груди полами. В женском костюме Средневековья кофта и юбка-плахта продолжают оставаться основными видами одежды. Костюм женщины отличался от мужского пышным декором, многоцветностью. Это характерная, распространенная на Дальнем Востоке одежда. Цвет – синий или желто-коричневый.

Старинной одеждой являлись и длинные, довольно широкие шелковые или хлопчатобумажные штаны. Сельские жители завязывали их на щиколотках. Головной убор (только у мужчин) – соломенная шляпа (рис. 4), простая головная повязка из черного газа, которую со временем стали пропитывать лаком. Мужские прически всегда состояли из узла длинных волос, укрепленного на темени шпилькой. Еще в старину у мужчин существовал обычай отращивать волосы, носить косу, он частично сохранился к началу XX в., но лишь в низших классах общества. Основным украшением древних костюмов мужчин были пояса и ленты. При династии Тан был установлен «Порядок поясов». Количество и материал украшений, навешивавшихся на пояса, определялись рангом чиновника. Чиновники ниже первого ранга украшали пояс ножами и отполированными камнями «лиши». Канцелярские и военные чиновники третьего ранга и выше носили пояса с нефритовыми подвесками, чиновники четвертого и пятого рангов – с золотыми подвесками, шестого и седьмого рангов – с серебряными. А простолюдины могли использовать только медные подвески и железные ножи.

Рис. 4. Соломенная шляпа (цао мао, ли).

Всадники – военные должны были быть облачены в тот же степной костюм, приспособленный к жизни на коне (рис. 5), к быстрой езде и битвам, который существовал еще при династии Тан (618-907 гг. н.э.) и даже раньше, во время первых схваток с конными кочевниками. Это был короткий, плотно облегающий тело в талии кафтан с треугольными отворотами и узкими рукавами, удобный в бою, а также широкие, туго перехваченные внизу штаны. В талии фигура была перехвачена узким поясом, нередко с целым набором украшений, пряжек и бляшек (рис. 6). На поясе висел кинжал или сабля, иногда – и то и другое, а

Рис. 5. Защитная одежда во время военных действий.

Рис. 6. Бронзовая пряжка, украшенная гравировкой, изображающей битву животных.

также подвешенные сбоку точило и сумочка. Наборный пояс – принадлежность воина, его неперемный атрибут. Количество бляшек и пряжек на поясе зависело от общественного положения воина. Бляшки были литые, часто с гладкой поверхностью, но в конце VIII в. н.э. появились и штампованные бляшки из тонкого листа, поверхность большинства которых покрывалась сложным орнаментом. Бляхи – оправы из бронзы, с прямоугольным отверстием для подвесного ремешка.

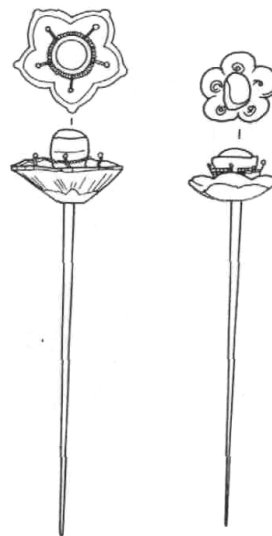

Рис. 7. Шпильки с веткой сливы, инкрустированные яшмой.

Женские прически имели в основе узел волос, расположенный либо на темени, либо на затылке, закрепленный шпильками (рис. 7). На виски, лоб и щеки женщин приклеивались зеленые, синие, черные мушки, к которым прикреплялись украшения и драгоценные камни. Любимые украшения – шейные и нагрудные цепочки и серьги.

В Средневековом Китае преобладали старинные формы обуви – легкие туфли из ткани, пеньки, соломы с толстыми подошвами из много-

слоистой проклеенной бумаги или ткани, войлока. Также были распространены кожаные или матерчатые сапоги, мягкими очертаниями напоминающие чулки.

В искусстве одежды наблюдается преемственность традиций. Но изучая традиции, не следует отходить от жизни, от эпохи. Поэтому искусство костюма дает нам серьезные предпосылки для глубокого изучения потребностей реальной жизни и особенностей эпохи. В то же время Китай – многонациональная страна, у каждой из национальностей есть особенное искусство одевания. Поэтому мы можем обращаться к искусству костюма Китая не только как к справочному материалу, но и как к одному из источников данных о реальной действительности страны. Таким об-

разом, обращение к жизни, к эпохе, изучение культуры костюма разных народностей и национальностей – весьма важные задачи для специалистов.

О.В. Монастырева

ОЦЕНОЧНОСТЬ МЕДИДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОЗДАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА КНР В РАДИОПРОГРАММАХ, АДРЕСОВАННЫХ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

The article is devoted to problem of media discourse in intercultural communication. The author reviews the main language methods of formation positive image of China by evaluation in radio programs for foreign audience.

Оценочность – одна из инвариантных черт массовой коммуникации, которая, наряду со шкалой ценностей, идеологией и образом автора, в том или ином виде обязательно присутствует в текстах СМИ любого типа. Обозначенные константы тесно связаны друг с другом, что достаточно ярко проявляется в СМИ, предназначенных для зарубежной аудитории. Сегодня в Китае действуют разнонаправленные подходы к принципам подачи внешней и внутренней информации. По словам авторов учебника «Журналистика Китая», для китайских СМИ вполне нормальны такие сообщения как: «Секретарь партийного комитета <...> во время наводнения запер пятилетний сына дома, а сам героически бросился спасать партийное имущество и общественные ценности. В результате успешных действий секретаря имущество было спасено, однако пятилетний запертый дома сын погиб». И далее: «Не стоит волноваться о смерти малолетнего сына, главное – заботиться о сохранности общественной собственности»¹. Комментируя сообщение, исследователи подчеркивают, что абсолютное большинство населения КНР воспримет эту новость как положительную. Однако граждане иностранных государств прореагируют на это совсем иначе. Действия секретаря партийного комитета будут восприняты как жестокое обращение с детьми или даже как убийство. «Эффект такого сообщения непредсказуем, вполне возможно, что будет развернута народная кампания против секретаря и обозревателя, который так благосклонно отзывался о действиях нарушителя социальной нравственности или даже уголовного преступника»².

Приведенный пример наглядно свидетельствует о потенциальной силе фактора оценки в журналистском «речедействии» материала. Ее успешное применение, направленное на воздействие во внешнеполитической информационной деятельности, опирается не только на разницу мироощущений участников коммуникации, но также на намерения адресанта.

В современной науке язык СМИ наиболее активно изучается с позиций дискурса. Любое сообщение никогда не отправляется ради сообщения как такового. Слово – всегда поступок, который приводит к сопряженности коммуникации и действия. Текст, включенный в коммуникатив-

1. Articles of clothing in China's history. «История китайского костюма и украшений» (на кит. яз.). – Пекин, 1994.

2. Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении. – СПб., 1898. – Т. 1.

3. Брун Вольфганг, Тильке Макс. История костюма от Древности до Нового времени / пер. с нем. Г.А. Светличной. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.

4. Каминская Н.М. История костюма. – М.: Легкая индустрия, 1977.

5. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. – Хабаровск, 1914.

ную ситуацию, и является составной частью дискурса. Один из наиболее известных ученых, работающих в традиции критического дискурс-анализа, голландский исследователь Т.А. ван Дейк предлагает понимать дискурс в широком смысле слова как сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта³. Такое определение по смыслу близко к образной и емкой трактовке дискурса, данной Н.Д. Арутюновой, как «речи, погруженной в жизнь». В этом понимании текст предстает в единстве с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами⁴.

Понятие медиадискурса является производным от общей концепции дискурса и не имеет до настоящего времени единого определения. Т.Г. Добросклонская считает медиадискурс совокупностью процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия⁵. По мнению Л.О. Чернейко, термин «медиадискурс» можно считать достаточно условным, потому что в средствах массовой информации представлен не один дискурс, а некоторое множество – «в соответствии с плюралистической моделью современного общества»⁶. В целом, несмотря на различное понимание термина, в отдельный тип дискурса его выделяют параметры, связанные с характеристиками целевой аудитории и когнитивными установками адресанта, т.е. с идеологической направленностью того или иного текста, лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями подачи информации, представленными непосредственно в тексте.

При рассмотрении медиадискурса в межкультурной коммуникации важно отметить, что в нем происходит своеобразное наложение национально-культурной и информационной картин мира. Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова предлагают придерживаться понимания медиадискурса в межкультурной коммуникации как реализации социально значимых действий и стратегий, выполняемых участниками общения в рамках определенных, релевантных для данного языкового сообщества и культуры коммуникативных ситуаций⁷. Реализация действий и стратегий находит свое выражение в тексте, понимаемом как часть медиадискурса.

Международное радиовещание современной, информационной эпохи открыто на всех уровнях коммуникационной цепи: от отправителя до получателя. Программа развития китайского инновационного в новых условиях была названа стратегической и глобальной⁸. Набирающий силу на мировой арене Китай всячески демонстрирует свою открытость. Международное радио Китая (МРК), как единственная государственная радиостанция, вещающая на зарубежные страны, предоставляет для этого все возмож-